270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
посвящается

КОДЕКС ЮСТИНИАНА

CODEX IUSTINIANUS

PUBLICA UNIVERSITAS STUDIORUM MOSCOVIAE
«LOMONOSOV»

FACULTAS IURIDICA
MUSEUM IURIS ROMANI PRIVATI

CODEX IUSTINIANUS

Recognovit A. Kopylov

LIBER OCTAVUS

Moscoviae • MMXXVI

СТАТУТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
«РИМСКОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО»

КОДЕКС ЮСТИНИАНА

Перевод с латинского

Ответственный редактор А.В. Копылов

КНИГА ВОСЬМАЯ

Рекомендовано Ученым советом Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в качестве научного издания для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр, магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, квалификация Магистр и аспирантов, обучающихся по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция, квалификация Исследователь. Преподаватель-исследователь

Москва • 2026

СТАТУТ

УДК 34
ББК 67.3
К57

Перевод с латинского – А.В. Щеголев
Филологический редактор – А.В. Копылов

Рецензенты:

Д.Ю. Полдников – доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

М.В. Бибиков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор, заведующий кафедрой византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

К57 **Кодекс Юстиниана = Codex Iustinianus** : пер. с лат. / отв. ред. А. В. Копылов; [пер. с лат. А. В. Щеголева; фил. ред. А. В. Копылов] ; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., НОЦ «Римское частное право». – Москва : Статут, 2026. Парал. текст рус., лат.

ISBN 978-5-8354-1700-1 (в пер.)

Кн. 8. – 2026. – 262 с.
ISBN 978-5-8354-2197-8

Восьмая книга Кодекса Юстиниана является продолжением издания первого полного перевода на русский язык с параллельным латинским и греческим текстом этого фундаментального памятника Древнего Рима. Кодекс является первой составной частью кодификации Юстиниана, осуществленной в VI в. н. э. в восточной части Римской империи (Византии). Codex Iustinianus сыграл огромную роль в качестве источника знаний о римском праве для многих поколений юристов начиная со Средних веков, сохранив свое выдающееся значение и для современной юриспруденции.

В восьмой книге Кодекса в основном содержатся нормы, касающиеся интердиктов, залога и поручительства, оснований прекращения обязательств, а также нормы, относящиеся к договору дарения.

Издание предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей российских вузов – юристов, историков и филологов, а также для всех, кто занимается изучением римского права.

УДК 34
ББК 67.3

ISBN 978-5-8354-2197-8 (кн. 8)
ISBN 978-5-8354-1700-1

© Щеголев А.В., перевод на рус. язык, 2026
© Гонгало Б.М., предисловие, 2026
© Копылов А.В., введение, 2026
© Белов В.А., вступ. слово, 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

Авторский коллектив издания
выражает глубокую признательность и сердечно благодарит
Вадима Анатольевича Белова –
профессора кафедры коммерческого права и основ правоведения
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
Эльдара Алиевича Гасанова –
главного специалиста отдела международного сотрудничества
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
а также Евгения Юрьевича Самойлова –
кандидата юридических наук, партнера Samoylov Law Firm,
которые оказали неоценимую помощь
в подготовке к изданию и выходу в свет
восьмой книги Кодекса Юстиниана.

Ответственный редактор
перевода
кандидат юридических наук, доцент
А. В. Копылов

Переводчик
кандидат исторических наук
А. В. Щеголев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написание предисловия к предлагаемой вниманию уважаемого читателя книги восьмой Кодекса Юстиниана представляется очень непростым делом. Более того, невозможно писать его, не испытывая глубочайшего волнения. Ведь это одна из книг Великого Кодекса Юстиниана!

Очевидно, следует сказать о величии римского частного права. О потрясающей воображение значимости римского права для всех времен и народов. Можно порассуждать о том, зачем нам сегодня эти дела давно минувших дней и зачем сейчас издается эта книга.... Можно рассказать о часто упоминаемых в рассматриваемой книге способах обеспечения обязательств...

Но об этом написаны фолианты, составляющие множество библиотек. А сколько еще будет написано...

С другой стороны, поскольку речь идет о предисловии, то, по-видимому, задача достаточно утилитарная: можно говорить обо всем этом и еще о чем-то, с тем чтобы привлечь внимание к этой книге, побудить читателя познакомиться с ее содержанием, восхититься... и понять, почему мы вновь и вновь говорим о римском частном праве.

Прежде всего, видимо, следует оговориться, что словосочетание «римское право» и словосочетания, образованные с его использованием, весьма многозначные.

Об этом приходится говорить потому, что о римском праве столько всего сказано, что, кажется, мы скоро перестанем друг друга понимать. Причем любопытно, что, говоря о римском праве, обычно речь идет о нем как о чем-то само собой разумеющемся. Между тем, не определившись в понятиях, мы никогда не поймем сути. Уже не одно столетие говорится о римском частном и римском публичном праве, об истории римского права, о догме римского права, о системе римского права, о современном римском праве, о том, что римское право есть писаный разум и т.д. и т.п.

В большинстве своем это не преувеличение исследователями значения предмета своих научных изысканий, но определенные направления (может быть, отрасли) исторической и юридической наук.

Об этом писали великие и невеликие ученые разных стран. Писали возвышенно и приземленно, анализируя и восхищаясь, критикуя и абсолютизируя...

Если рассматривать соответствующие термины и обозначаемые ими понятия, можно увидеть много интересного, поучительного, значимого.

Римляне оставили нам свое право в форме объемистых сборников, содержащих разрешение многочисленных казусов и изложенных в малоудобном для изучения порядке[1]. Вот оно римское право! Настоящее. Чистое. Уже давно известно: «Как это ни парадоксально, но между римским юристом и юристом общего права (английским юристом. – *Б.Г.*) больше общего, чем между римским юристом и его преемником, современным цивилистом. Как юрист общего права, так и римский юрист избегают обобщений и по возможности определений. Их метод – активная казуистика»[2]. С учетом этого и к римскому праву вполне может быть применена знаменитая фраза О.У. Холмса-младшего: «В основе права лежит не логика, а опыт»[3].

Говоря о различии римского частного права и римского публичного права, всегда вспоминают Ульпиана, который утверждал, что публичное – для государства, а частное – для пользы частных лиц. Естественно, что со временем появились идеи об иных критериях деления права на публичное и частное[4], но сам факт такого деления почти не вызывает сомнения у подавляющего числа исследователей. В советское время деление права на публичное и частное отрицалось. Это вполне естественно, поскольку действовала установка: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» (В.И. Ленин). Хотя, как ни странно, в этом указании есть вполне очевидное противоречие. Из него следует,

---

1 *Муромцев С.А.* Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 29.

2 *Buckland W.W., McNair A.D.* Roman Law and Common Law. 1952. P. XIV (цит. по: *Цвайгерт К.*, *Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I: Основы: Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998. С. 282–283). Подобные взгляды многократно высказывались и ранее. См, напр., неоднократно переиздававшийся учебник: Римское частное право / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 1999. С. 7–9 (автор введения – *И.С. Перетерский*). Этот учебник, ставший классическим, впервые был издан в 1948 г.

3 *Holms O.W.* The Common Law. 1881, 1 (цит. по: *Цвайгерт К.*, *Кётц Х.* Указ. соч. С. 274).

4 См., напр.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 37-48 (Серия «Классика российской цивилистики»); *Черепахин Б.Б.* К вопросу о частном и публичном праве: Избранное / Вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2024. С. 14–40 (Серия «Классика российской цивилистики»). Статья Б.Б. Черепахина, давшая название указанной книге, написана в 1926 г.

что такое деление было, может оно и есть, но «мы» его не признаем и в нашем законе его не должно быть (это указание включено в письмо В.И. Ленина наркому юстиции Д.И. Курскому)[1].

Говоря об истории римского права, уместно вспомнить слова И.А. Покровского о том, что «первое, с чего должно начинаться его (римского права. – Б.Г.) изучение, есть, конечно, его история. Без нее римское право его последней стадии, римское право Юстиниановского Свода (так называемое «чистое римское право»), а тем более римское право Новой Европы (так называемое «современное римское право») было бы абсолютно непонятно»[2].

Наиболее интригующим является словосочетание «современное римское частное право». Но уже все устоялось, и оно воспринимается без иронии, хотя с точки зрения формальной логики она была бы вполне уместна[3]. Но так говорят уже не одно столетие.

Выдающийся юрист XIX в. Фридрих Карл фон Савиньи в знаменитой работе «Система современного римского права» (в 8 томах, издана в 1840–1849 гг.) дает определение в следующих антитезах:

«1. Это Римское право... [характеризуются], следовательно, только те институты права, которые имеют римское происхождение, однако с включением сюда их последующих изменений, даже если эти... изменения имеют происхождение, отличное от римского...

2. Это Современное римское право. Благодаря этому исключаются: во-первых, история институтов; во-вторых, каждое отдельное положение, относящееся к раннему праву и чуждое праву Юстиниана, ибо только эта новейшая форма римского права связана с нашим современным состоянием права; в-третьих, каждый институт, хотя и относящийся к праву Юстиниана, но исчезнувший в нашем праве.

3. К нашей задаче относится только Частное право... т.е. то, что римляне называли *ius civile*...

---

[1] В современной литературе см. об этом: *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. С. 60 и след.

[2] *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1999. С. 17–18.

[3] Может быть, поэтому в России соответствующее понятие называлось догмой римского права, просто системой римского права, а то и еще проще – римским правом. См., напр.: *Гримм Д.Д.* Догма римского права: Пособие для слушателей. Киев, 1919; *Хвостов В.М.* Система римского права: Учебник. М.: Спарк, 1996 (в этой книге говорится в том числе об изучении «системы (или догмы) римского гражданского права» (С. 13). См.: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. I–III. М.; СПб., 1905–1911. Вслед за Дернбургом его называли и пандектным правом.

4. Наконец, только сама система прав, за исключением процесса или институтов, предназначенных для судебного преследования, т.е. только то, что многие называют материальным частным правом»[1].

Представляется, что очень точно об истории и догме римского права сказал Д.Д. Гримм: «...история права изучает смену правовых институтов во времени (напр., смену отдельных форм собственности, залога и т.д. в системе русского или римского или иного какого-нибудь права); догма права анализирует эти правовые институты в том виде, в каком они представляются при данных условиях места и времени (напр., римское право собственности или залога времени Юстиниана...). Иначе говоря, история права изучает правовые институты в порядке последовательности, смены их во времени, а догма права – в порядке сосуществования»[2].

Обозревая различные характеристики римского права (перечень их неисчерпывающий), можно, наконец, упомянуть, что говорят и так: «Римским правом называется весь комплекс юридических установлений, действовавших в Риме»[3]. Вряд ли возможно увидеть этот комплекс в силу его необъятности, а также изменчивости. А если учесть еще и отмеченную многозначность словосочетания «римское право», то понятно, что такая характеристика вряд ли приемлема.

Что касается утверждения, что римское право есть писаный разум (*ratio scripta*)[4], то, глядя из сегодняшнего дня, оно представляется наивным. И зря – оно живет. С другой стороны, оно есть свидетельство научной увлеченности. И главное: это пропаганда, экспансия и, в конечном счете, торжество тех идей, которые находятся в основании концепции современного римского права (системы (или догмы) римского права). Потому и говорится, что римское право живет. Это утверждение «работает» исходя из концептуальных соображений. Если же отталкиваться от того, что требуется на практике (правотворческой, правоприме-

---

[1] *Савиньи Ф.К. фон*. Система современного римского права / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 274–275.

[2] *Гримм Д.Д.* Указ. соч. С. 2–3.

[3] Так начинает свое повествование один из известнейших современных испанских юристов, специализирующихся, в том числе на римском праве – *Гарсиа Гарридо М.Х.* Римское частное право: казусы, иски, институты: Пер. с исп. / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. С. 40.

[4] Весьма скептически к нему относится Муромцев С.А. (см.: *Муромцев С.А.* Указ. соч. С. 41–42).

тельной и пр.), то это нечто подобное призыву. С другой стороны, что может быть полезней для практики, нежели хорошая теория?

В данном случае представляется совершенно неуместным анализировать содержание книги, предлагаемой вниманию уважаемого читателя. Во-первых, потому, что вот она – книга – надо читать. Во-вторых, потому что ответственный редактор перевода Александр Владимирович Копылов во Введении очень четко расставляет акценты и дает «общую картину». Но удержаться от высказывания своих впечатлений тоже невозможно.

В настоящее время принято о римском праве говорить возвышенно. Часто не вникая в то, что понимается под римским правом в том или ином случае. Воспевать римское право стало хорошим тоном. Такой подход представляется неправильным – не сотвори себе кумира. Тем более, что спустя столетия после падения той и другой Римских империй «вдруг» обнаружилась масса недостатков чистого римского права[1]. С другой стороны, ни в коем случае нельзя забывать, что «Римское право занимает в истории человечества совершенно исключительное место: оно пережило создавший его народ и дважды покорило себе мир»[2]. Римское частное право «среди отраслей римского права на первом месте стоит, как с точки зрения разработанности, так и своего значения для Рима и для последующих веков... Римское частное право оказало могущественное влияние на все дальнейшее развитие законодательства и правовых учений общества, основанного на частной собственности... римское право должно быть знакомо каждому образованному юристу»[3].

Говоря о содержании книги, предлагаемой вниманию уважаемого читателя, можно в тысячный раз сказать о точности формулировок, их отточенности, рациональности, может иногда их поэтичности... Но совершенно очевидно, что в этом нет необходимости – и без того все известно и понятно. Можно указать лишь несколько личных впечатлений.

Читая эту книгу, нужно учитывать то, что мышление современного российского юриста существенно отличается от мышления римлян. Мы говорим, мыслим понятиями. Современные правовые нормы конструируются в соответствии с формулой «если..., то...». В чистом

---

1 См., напр.: *Муромцев С.А.* Указ. соч. С. 28–57; *Гримм Д.Д.* Указ. соч. С. 5–6.

2 *Покровский И.А.* История римского права. С. 13.

3 Римское частное право. С. 3 (автор Введения – *И.С. Перетерский*).

римском праве правила очень часто формулировались, отталкиваясь от конкретной ситуации, в виде обращения к конкретному субъекту.

Вместе с тем нам не следует абсолютизировать ситуационность этих указаний. Нередко они адресованы неопределенному кругу лиц, соблюдать их должен всякий и каждый. И часто звучат они вполне современно. Так, «законному владельцу для защиты добросовестно удерживаемого владения позволено отражать насилие, применяемое к нему, с соблюдением пределов допустимой обороны» (С. 8.4.1). Или вот еще замечательное (в том числе с точки зрения стилистической) разрешение: «В провинциях Месопотамия... Геленопонт, где это более требуется, а также в прочих провинциях пусть всем желающим дозволяется ограждать каменной стеной поместья или участки земли, находящиеся в их собственности (С. 8.10.10). А насколько великолепно следующее чеканное предписание: «Пусть никому не будет позволено ни уносить из другой провинции статуи либо колонны из какого бы то ни было материала, ни перемещать их в пределах той же провинции» (С. 8.10.7). И в этой же книге мудро сказано: «Одна только старость не является препятствием к совершению дарения» (С. 8.53.16).

Отношение к римскому праву представляется не вполне правильным. Не только в России. Сознательно или подсознательно (или бессознательно) к нему чаще всего относятся как к историческому явлению. Между тем, не отрицая такой подход, необходимо учитывать, что, во-первых, римское право находится в основании «современной цивилистической науки и в этом качестве составляет фундамент так наз. общей теории гражданского права»[1] и, во-вторых, оно требуется при проведении сравнительно-правовых исследований[2].

К примеру, если сравнивать нормы нашего современного права об обеспечении обязательств с правилами римского права, обнаруживается: все, что содержит наше новое и новейшее право, по сути своей уже было у римлян. Корни всех этих способов обеспечения обязательств – в римском праве. Так, в книге, предлагаемой вниманию читателя, очень много норм о залоге. В одних случаях о нем говорится как бы вскользь, попутно (напр., С. 8.9.1). В большинстве своем в восьмой книге Кодекса залогу уделено пристальное внимание – ему посвящены титулы XIII–XXXI и др. И рассматривая эти правила римского права,

[1] *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 12. Данная точка зрения является господствующей.

[2] Об этом см., напр.: *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 11; *Рабель Э.* Задачи и необходимость сравнительного правоведения: [Пер. с нем.] / Науч. ред. Б.М. Гонгало; Рос. школа частного права. Уральское отделение. Екатеринбург, 2000.

сравнивая их с отечественным законодательством, хорошо видно, что, несмотря на прошедшие столетия, суть залога не изменилась. Едва ли не все правила о залоге, содержащиеся в Кодексе Юстиниана, воспроизводятся в нашем законодательстве. Но если у римлян была четкость – чеканность, то сегодня торжествует стремление «все прописать в законе». По мере развития кодификации законодательства о залоге соответствующие понятия все более усложняются. Происходит все большая детализация правовых норм. Чрезмерная детализация, ограничивающая диспозитивность (волю!) участников гражданских правоотношений. В ряде случаев вполне очевидно, что правовые нормы направлены на защиту определенных субъектов...[1]

Есть чему поучиться.

С учетом изложенного представляется, что есть все основания поздравить высококвалифицированный авторский коллектив – к.ю.н. Александра Владимировича Копылова и к.и.н. Алексея Валерьевича Щеголева с выходом в свет этой замечательной книги.

Заведующий кафедрой гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева
доктор юридических наук, профессор
Б.М. Гонгало

[1] См.: *Гонгало Б.М.* Развитие кодификации законодательства о залоге: трансформация понятий. Кодификация российского частного права 2019 / Под ред. Д.А. Медведева; Исслед. ценр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. Москва: Статут, 2019. С. 151–184.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя восьмая книга Кодекса Юстиниана является продолжением издания первого полного перевода на русский язык *Codex Iustinianus*, осуществляемого в рамках научного проекта «Кодекс Юстиниана: от Древнего Рима до наших дней». Как уже ранее упоминалось, реализация этого уникального проекта стала возможной благодаря деятельности научно-образовательного центра «Римское частное право», созданного в 2016 г. на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при кафедре гражданского права[1].

Восьмая книга Кодекса Юстиниана состоит из 58 титулов, каждый из которых включает в себя фрагменты, являющиеся отдельными конституциями, принятыми в хронологическом порядке. Значительная часть конституций также содержит и параграфы.

В общей сложности в восьмую книгу Кодекса входят 452 конституции начиная с императора Марка Аврелия (161–180 гг. н.э.) и вплоть до самого Юстиниана (527–565 гг. н.э.). При этом большинство из них изложены на латинском языке и лишь незначительная часть (около 5% от общего числа) – на греческом языке: к такого рода исключениям относятся несколько конституций императоров Зенона (C. 8.10.12), Юлиана (C. 8.11.3) и, вероятно, самого Юстиниана (C. 8.40.29).

Титулы 1–9 восьмой книги Кодекса содержат в себе императорские конституции, регулирующие отношения, связанные с применением интердиктной защиты, титулы 10–12 касаются частных строений и общественных работ по строительству, титулы 13–34 посвящены вопросам залогового права, титулы 35–36 – эксцепциям, прескрипциям и спорным предметам, а в титулах 37–45 содержатся нормы о поручительстве, об основаниях прекращения обязательств, а также эвикциях. Наконец, конституции, находящиеся в титулах 46–52, 57–58, касаются различных вопросов семейного права, а титулы 53–56

[1] См. подробнее о целях и задачах проекта: Кодекс Юстиниана = Codex Iustinianus. Книга шестая: Пер. с лат. / отв. ред. А.В. Копылов; [пер. с лат. А.В. Щеголева; фил. ред. А.И. Солопов]. М.: Статут, 2021. С. 13; Кодекс Юстиниана = Codex Iustinianus. Книга седьмая: Пер. с лат. / отв. ред. А.В. Копылов; [пер. с лат. А.В. Щеголева; фил. ред. А.И. Солопов]. М.: Статут, 2022. С. 16.

включают в себя правила, регулирующие отношения, связанные с договором дарения[1].

Следует заметить, что наиболее сложными для понимания в восьмой книге, по мнению авторов, являются положения, касающиеся вопросов залогового права (титулы 13–34), института поручительства, оснований прекращения обязательств, а также эвикций (титулы 37–45); в них содержится множество специальных терминов, в том числе тех, которые достаточно широко используются в современном гражданском праве: «комиссорное условие» (*commissoria lex*), «фидеюссор» (*fideiussor*), «промиссор» (*promissor*), «новация» (*novatio*), «делегация» (*delegatio*), «эвикция» (*evictio*) и др.

Таким образом, перевод на русский язык соответствующих разделов восьмой книги Кодекса Юстиниана создает новые возможности для более глубокого исследования упомянутых гражданско-правовых институтов в современной российской цивилистической науке.

Каждый фрагмент восьмой книги Кодекса, как уже упоминалось, представляет собой отдельную императорскую конституцию, перед которой в тексте стоит указание на ее авторов и тех, кому она адресована (так называемая *praescriptio*). В конце конституции по общему правилу указывается точная дата, а иногда и место ее принятия, а также имя консула (так называемая *subscriptio*).

В тексте перевода такая вводная и заключительная части закона выделяются курсивом, например:

«*Императоры Аркадий, Гонорий и Феодосий Августы городскому префекту Эмилиану*. Если тот, кому принадлежит право собственности на земельный участок, изъявит намерение возвести строение возле общественных зданий, то пусть знает, что ему следует строить таким образом, чтобы между общественными и частными строениями было расстояние в пятнадцать футов, с тем чтобы таким расстоянием и общественные строения защищались от опасности, и частный застройщик не боялся ущерба от будущего сноса как неправильно застроивший участок земли. *Дано в 11-й день до ноябрьских календ в Константинополе в консульство Аркадия Августа шестое и Проба*. [22 октября

[1] Следует заметить, что первые переводы титула 56(57) «О дарениях на случай смерти» восьмой книги Кодекса Юстиниана ранее были сделаны в следующих работах: *Копылов А.В.* Дарение на случай смерти: гражданско-правовое исследование. М.: Статут, 2019. С. 74–75; *его же.* Легаты, фидеикомиссы и дарения на случай смерти в римском частном праве. М.: Городец, 2021. С. 141–143. В данном издании используется отредактированный вариант упомянутых переводов.

406 г.]» (C. 8.10.9) или «*Императоры Север и Антонин Августы Павлине*. Когда кредитор продает залог, несмотря на запрет должника совершать продажу, не может считаться, что совершается покупка спорной вещи. *Составлено в майские календы в консульство Апра и Максима*. [1 мая 207 г.]» (C. 8.36.1).

Однако в восьмой книге Кодекса иногда встречаются случаи, когда *subscriptio* не содержат никакой соответствующей информации, например:

«*Императоры Антонин и Вер Августы Тавру*. Ты вправе по своему желанию и баню соорудить, и надстройку над ней поставить, соблюдая, однако, норму, согласно которой и прочим лицам разрешается возводить надстройки над банями, то есть чтобы ты возводил надстройку над сводом бани и саму надстройку покрывал сводом, не превысив при этом обычной высоты. *Составлено без числа и консула*» (C. 8.10.1) или «*Император Александр Август Перегрину*. Если, как ты теперь утверждаешь, кредитор ничего не уплатил твоей жене, которая предоставила залог, но вынудил ее к составлению заемного письма, не имеющего основания, то ее вещь не может быть предметом залога в силу ложного документа, составленного вопреки истине. *Написано без числа и консула*» (C. 8.32.2).

В авторский коллектив, занимавшийся переводом на русский язык восьмой книги Кодекса Юстиниана, вошли: историк – кандидат исторических наук Алексей Валерьевич Щеголев и юрист – кандидат юридических наук, доцент Александр Владимирович Копылов, являющиеся выпускниками Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и продолжающие плодотворно работать в *alma mater*.

Консультационную поддержку авторскому коллективу в процессе работы над переводом первых тринадцати титулов восьмой книги Кодекса Юстиниана оказал заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор Алексей Иванович Солопов.

Следует особо подчеркнуть, что в процессе работы над переводом восьмой книги *Codex Iustinianus* авторы постарались всесторонне использовать положительный опыт, накопленный при переводе и редактировании шестой и седьмой книг Кодекса, и добиться максимальной юридической точности и ясности при изложении наиболее сложных мест, встречающихся в текстах императорских конституций.

При этом авторы одновременно стремились максимально точно передать оригинальный латинский и греческий текст юридического памятника. Этим объясняется сохранение в книге особенностей нумерации титулов (использование римского числа IIII вместо IV), а также использование строчных букв в начале новых предложений, содержащихся внутри отдельных фрагментов.

В качестве основы для перевода на русский язык использовался текст Кодекса Юстиниана по изданию Пауля Крюгера: Corpus Iuris Civilis. Vol. secundum: Codex Iustinianus / Recognovit P. Krueger. Berolini, 1892.

Руководитель проекта
«Кодекс Юстиниана: от Древнего Рима до наших дней»
кандидат юридических наук, доцент
А.В. Копылов

О ЗНАЧЕНИИ ПЕРЕВОДА ВОСЬМОЙ КНИГИ КОДЕКСА ЮСТИНИАНА И РИМСКОГО ПРАВА В ЦЕЛОМ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Восьмая книга Кодека Юстиниана содержит пятьдесят восемь титулов, заключающих в себе объемный, разнообразный и достаточно специфический материал, что обусловлено составлением ее из различных (принимавшихся в разное время в продолжение примерно четырех столетий, созданных разными лицами, по разным поводам и ввиду интересов различных адресатов) императорских конституций (подробнее об этом см. во введении ответственного редактора перевода А.В. Копылова). Возможно ли выполнить какое-либо смысловое структурирование всего этого богатого материала?

Да, безусловно, притом не только возможно, но и для целей того, чтобы сделать изучение более удобным, нужно; такого рода попытка могла бы быть, например, следующей:

(1) поскольку центр тяжести восьмой книги и ее основную часть занимают двадцать четыре (13–36) титула о залогах, думается, что никто не станет спорить с тем, что именно эти фрагменты следует поставить на первое место в изучении; что же касается второго (по объему и смысловой нагрузке) места, то за него могут посоперничать:

(2) первые девять титулов (1–9) – об интердиктах по владению и вопросам, связанным с владением, и

(3) заключительные восемь титулов (46–51, 57, 58) – о различных аспектах семейных отношений и правоспособности физических лиц, с (кажется) не слишком органично «вплавленными» в них

(4) четырьмя титулами (53–56) – о дарениях и

(5) одним кратким титулом – об обычае (52).

Далее – дело читательского вкуса, ибо на примерно равных основаниях следует поставить друг за другом:

(6) титулы 10–12 – о частных строениях и общественных работах по строительству;

(7) титулы 37–39 – о стипуляциях, и в первую голову о такой (типичной) форме стипуляции, которая применялась для установления поручительства;

(8) титулы 41–43 – о новации, делегации, исполнении и прекращении обязательств разными способами, вплоть до акцепциляций.

Можно видеть, что мы просто приняли ту последовательность, в которой соответствующие титулы расставлены в самой восьмой книге Кодекса.

Наконец, финальные места должны занять:

(9) два титула (44 и 45) – об эвикциях и

(10) один титул (40) – о фидеюссорах и доверителях.

В итоге у нас получилось десять смысловых «кусков» юридического текста. Правильно ли из этого предположить, что по результатам изучения восьмой книги Кодекса Юстиниана мы должны получить минимум десять разных «моралей» по вопросам типа «Зачем?», «Для чего это нужно?» и, наконец, «Кому (и с какой точки зрения) сегодня – в начале второй четверти XXI века – могли бы быть интересны конституции византийских императоров возрастом без малого в две тысячи лет?» – конституции, постановленные в ином обществе, людьми с иным менталитетом, участниками совершенно иных (ныне более несуществующих) земельно-вещных частных отношений натуральных хозяйств рабского труда, да и просто в иные времена, т.е. в условиях, принципиально не похожих на современные? Вот не было никогда прежде сделано русского перевода этих текстов – и ничего, никто, как говорится, не умер; ну так, может быть, и действительно ничего, если бы не было бы его и дальше? Или же, не имея возможности ознакомления с восьмой книгой Кодекса Юстиниана, российские юристы и вправду упустили что-то очень важное?

Вопрос о научном и практическом смысле юридических штудий памятников права, как и вообще о пределах использования исторического материала и исторической аргументации в догматических правовых исследованиях[1], не так прост и ответ на него не так однозначен, каким он порой представляется не только студентам и магистрантам, но даже аспирантам и тем (вполне авторитетным) ученым, которые практически на автомате включают в свои исследования, предпринимаемые ими на базе современного российского права, исторические фрагменты.

[1] По этому вопросу см. прекрасное предисловие, написанное С.В. Третьяковым к переизданию трехтомника «Истории российских гражданских законов» К.А. Неволина в серии «Классика российской цивилистики» (*Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Ч. I: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 22–43).

Диссертация или монография? – первая глава непременно должна быть исторической (а какой же еще?). По какому бы из классических предметов правоведения мы ни взяли бы юридические труды последних двух-трех десятков лет, почти все они начинаются с одной, а то и нескольких «исторических» глав: залог (обязательство, поручительство, купля-продажа и т.д.) по... римскому (русскому дореволюционному, советскому и т.д.) праву. Изучение истории ассоциируется с истоками, корнями, традициями, основами, устоями, первопричинами, укладами, обычаями из таких незапамятных времен их происхождения, что никто уж и не упомнит ни того, что когда-то прежде было по-другому, ни того, почему установилось именно то, а не другое правило. Народная мудрость, опыт и вообще наследие целых поколений предков – этим все сказано и все само собой объясняется, считаясь заодно... базой для научного познания современности.

«Исторический прием, – пишет Г.Ф. Шершеневич, – не ограничивается задачей выяснения исторического развития национальных институтов, но еще служит пособием для систематического изучения действующего права. <...> Раскрывая особенности данного института в истории известного народа, исторический метод предупреждает возможность ошибок в приложении к национальному праву теоретических воззрений, несогласных с исторически выработавшимися воззрениями народа. Таким образом, историческое исследование составляет необходимое предварительное условие для систематического изучения гражданского права и для критики его с точки зрения законодательной политики»[1]. Кажется даже, что самое существование учебных курсов и пособий по истории государства и права, а также по римскому праву ориентирует именно на такой подход: зачем, спрашивается, изучать юридические седины той или иной степени древности, если потом ничего из изученного не использовать? Раз изучается, значит, недаром: значит, как-то полученное в ходе такого изучения знание используется, и для чего-то оно все-таки нужно. Совершенно верно – весь вопрос только в том, как используется и для чего. Уж во всяком случае не для того, к чему взывают сентенции типа «Господь терпел и нам велел» или «не нами началось, не нами и кончится»: они хороши для пословиц и поговорок, но строить на них умозаключения (вроде того, что «раз у предков было – значит, и у нас быть должно» или «чего наши отцы и деды не знали да не делали, того и нам не нужно ни знать, ни делать»), мягко говоря, опрометчиво.

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. С. 8–9.

Сила сомнений в том, что значение исторического изучения права ограничивается одной его «объяснительной» ролью и многократно возрастает, когда место предков занимают... «рыжеволосые квириты» (римляне) – представители, бесспорно, одной из величайших в истории цивилизаций, но к нашим отцам (дедам, прадедам и т.д.) никакого отношения не имеющие.

Право римлян эпохи Западной Римской империи даже через его средневековую европейскую рецепцию (не говоря уж о том, чтобы непосредственно) на наших предков не влияло вовсе; влияние же права Восточной Римской империи (по терминологии многих наших романистов, даже не римского, а византийского права) хотя и составляет факт непреложный, никем не отрицаемый, но вряд ли может считаться сохранившимся хоть в каком-нибудь виде до наших дней: иное было бы и противоестественным хотя бы потому, что за прошедшие века изменилась до неузнаваемости и сама жизнь – почва для возникновения отношений частных лиц, да и самые эти отношения.

«Никакой народ не может вечно и постоянно держаться в области гражданского права раз данных норм не только иноземных, но и своих собственных, подобно тому, как [народ] римский не вечно держался начал своих XII таблиц, или западные народы своих *leges Barbarorum*, или русские своей Русской Правды»[1]. «Очевидно, что не все начала, выработанные историей Рима, как бы логичны они ни казались с точки зрения римских институтов, могут быть применены к нашей жизни, к явлениям современного быта, к правам Европы, и что наука должна определить те из начал римского права, которыми можно в наше время пользоваться в школе для усвоения права в практике, для его применения. Наука права не воплощается в римском праве, а стоит выше римского и всех других, сравниваемых для изучения прав, и указывает в каждом из них разумные начала, – единственные, подлежащие усвоению и применению, несмотря на все их противоречие с римскими»[2]. Коротко говоря, римское право – это прекрасно, но оно – еще куда как не все в юридической жизни, и чем дальше мы живем, тем меньше и меньше оно подходит на роль этого «всего», тем скромнее и скромнее место, занимаемое им в современной юридической практике. Даже «объяснительная» функция чем дальше, тем реже «срабатывает»:

---

[1] *Лешков В.Н.* Несколько слов об отношении гражданского римского права к новым и к русскому, и гражданского права к праву оборотов к торговому. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1873. С. 2–3.

[2] Там же. С. 4.